

БЫЛ ЛИ А.И. ГЕРЦЕН ДАЛЕК ОТ НАРОДА?

Со времен советского периода развития отечественной философии мы помним, что декабристы разбудили Герцена, а он – развернул революционную агитацию. Именно такая характеристика общественной деятельности А.И. Герцена была определяющей при оценке научной деятельности русского публициста и мыслителя. Его величали выдающимся борцом столетия: «В крепостной России 40-х годов XIX века, - писал В.И. Ульянов (Ленин), - он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени» [1, с. 9-10].

Надо сказать, что в этот период научное и художественное наследие Герцена активно изучалось, время от времени появлялись фундаментальные исследования в этой области, особенно приуроченные к юбилеям и годовщинам. Однако в них зачастую проявлялась однобокость, обусловленная вышеуказанными характеристиками и параметрами, заранее заданными вождем мировой революции и основателем советского государства. Автор помнит, что на философском факультете Московского университета находилась мемориальная аудитория имени А.И. Герцена и его друга Н.П. Огарева, в которой часто проводились посвященные личности и философской деятельности этих людей конференции и лекции, хотя больше внимания уделялось не в курсе русской философии, а при изучении истории КПСС.

В хрестоматийном издании А.А. Галактионова и П.Ф. Никандрова из Ленинградского университета им. А.А. Жданова «История русской философии» Герцену посвящена отдельная глава, так как своей «всесторонней политической деятельностью он оставил неизгладимый след в русском освободительном движении и истории философской мысли» [2, с. 238].

Вместе с тем, во всех этих работах, где раскрывается революционность и прогрессивность взглядов мыслителя – демократа, постоянно обходится вопрос о религиозных воззрениях и духовных исканиях Александра Ивановича, практически ни в одном издании того периода вы не найдете рассмотрения вопроса о том, был ли он верующим или был атеистом. Лишь говорится, что Герцену не удалось преодолеть рамки тех общественных воззрений дворянства, которому были свойственны «домарксистам» того времени.

Практически ни в одной из работ советского периода не раскрываются мировоззрение и убеждения Герцена, особенно его отношение к религии: по умолчанию предполагалось, что для так высоко оцененной Лениным личности дела свободы совести столь незначительны или они очень далеки от этих проблем, что об этом не стоило останавливать свое внимание. Особое место в данных работах занимает натуралистическое объяснение человека и общества, которое встречается в трудах Герцена. «Физиология мужественно выполнила свою задачу, разложив человека на бесконечные действия и противодействия, сведя его к скрещиванию, вихрю рефлексивных актов. Пусть она позволит теперь социологии восстановить его целостность. Социология вырвет человека из анатомического театра и возвратит его истории». Можно сказать, что создается впечатление, будто у Александра Ивановича были очевидны только два конфликта, два вида противоречия: между отдельным человеком и окружающей природной средой, а также между отдельной личностью и социумом, общественными группами. Из этого советскими философами-марксистами делался вывод о том, что для мыслителя более актуальным было осознание места и роли классовой борьбы [2, с. 262].

Известно, что Герцен сочувствовал работающему человеку, который в поте лица создает общественный продукт, при этом практически не участвует в перераспределении произведенных благ. В работе «С того берега» Герцен указывает, что трудящиеся массы «хотят остановить руку, нагло вырывающую у них кусок хлеба, заработанный ими...», «... враждебные партии не могут ни объясниться, ни понять друг друга: у них разные логики, два разума. Когда вопросы ставятся так, нет выхода, кроме борьбы: один из них должен остаться на месте: монархия или социализм» [3, с. 53]. Но социализм герценовский несколько отличается от марксистского: он считал, что социальный переворот только тогда окажется продуктивным, если коренным образом изменит общественный строй, который опирается на социально-экономические преобразования в стране.

Например, Герцен считал, что в кризисные моменты, в момент социальных революций большая роль должна принадлежать не народу, а государству. Именно государство, проникаясь настроением, бедами и чаяниями народных масс, должна направлять их на переустройство общественной и хозяйственной жизни. Он считает, что «государство не имеет собственного определенного содержания; оно служит одинаково и реакции, и революции, тому, с чьей стороны сила...» [3, с. 314].

Касаясь роли личности в истории Герцен говорит, что она «создается средой и событиями, но и события осуществляются личностями и носят на себе их печать; тут взаимодействие» [3, с. 312]. Общество, по мере своего развертывания в истории создает «гениальные природы», которые будут способствовать изменению векторов социального развития, ведя народ по пути прогресса. В учебниках говорится, что Герцен «глубоко понимал значение революционной партии и в конце своей жизни высоко оценил деятельность I Интернационала» [2, с. 265]. Читая эти строки в глазах читателя мгновенно возникает образ революционера, который на смертном одре думает о мировой революции.

Однако, когда мы обратимся к иным источникам, мы несколько иначе пойдем истинные цели духовных исканий мыслителя, увидим крах определенных воззрений, которыми сопровождалась последние

думы этого великого человека. Как считает о. В.В. Зеньковский, итоги философских исканий Герцена довольно противоречивы и «...скудны, они по существу – крайне пессимистичны, - и из этого трагического тупика он сам выхода не нашел. Релятивизм, скептицизм и всегда сопровождающий расплывчатый мистицизм, иррационализм и алогизм – все это разрушало гармонический строй в понимании...» [4, с. 101]. С точки зрения религиозного историка философия Герцену удалось-таки вскрыть основную проблематику личности, который он находит в парадоксальном «сочетании позитивизма в учении и отрицании позитивизма в учении о «независимости» духовного строя человека от реального бытия» [4, с. 101]. Действительно, читая работы Герцена можно сделать вывод, что в его учении требования морали смыкаются, прежде всего, с эстетическим чувством, с переживанием человеком эстетического наслаждения. В своих работах Герцен выстраивает теорию эстетического гуманизма, что было свойственно для нерелигиозной русской общественной мысли этой эпохи. Вместе с тем, этот путь зачастую был тупиковым и многие (достаточно вспомнить духовный кризис Гоголя) не находили выход из этой ситуации, «...бездорожья, которое ожидало в дальнейшем русскую мысль, порвавшую с Церковью, но не могущую отречься от тем, завещанных христианством...» [4, с. 102].

А.И. Герцен разочаровался в революционной деятельности и крестьянском социализме: прежде всего, теоретически, доводя свои размышления до логического конца и даже, в какой-то мере предвидя трагический путь развития социализма в России. Он пишет в 1849 году: «Социализм разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, до нелепостей. Тогда снова вырвется из титанической груди революционного меньшинства крик отрицания, и снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущей, неизвестною нам революцией» [4, с. 103]. А в 1869 году, за год до кончины, Герцен пишет в своей статье «К старому товарищу», обращаясь к анархисту М.А. Бакунину, что он уже не верит в «прежние революционные пути» [3, с. 310] и говорит об общественно-историческом процессе как постепенном и перманентном изменении, которое в последствии обеспечит каждому индивиду условия для достойной жизни.

Противоречивость и сложность в понимании внутреннего мира А.И. Герцена, его «душевная драма» [5] заключается в биографии мыслителя: являясь незаконнорожденным сыном богатого и знатного помещика И.Я. Яковлева он с молоком матери познал несправедливость и двусмысленность реалий российской жизни. Увлечение И.К.Ф. Шиллером, Ф.В.Й. Шеллингом, а больше всего, знакомство с философией Г.В.Ф. Гегеля завершило процесс становления его учения, как крайне оппозиционного к существующей российской имперской власти.

Философию Герцена нельзя подвести полностью к материалистической теории; как в юности, так и в последние годы своей жизни он признавал существование объективного разума в основании биологических и природных явлений, что не вкладывается в собственно материалистическую систему. По его мысли, все изменения природного мира, все проявления живых организмов основываются на физиологии. Но, ход человеческой истории идет дальше, выходит за рамки биологического, так как это есть «не что иное, как постоянная эмансипация человеческой личности от одного рабства вслед за другим, от одной власти к другой вплоть до наибольшего соответствия между разумом и деятельностью, - соответствия, в котором человек чувствует себя свободным» [3, с. 296]. Признание объективного разума также повлияло на моральное учение Герцена и привело его к выходящему за рамки материалистического детерминизма пониманию психологии нравственной жизни: «Нравственная свобода есть, таким образом, реальность психологическая» [3, с. 297].

Как мы видим, учение Герцена нельзя отождествлять с классическим материализмом. Скорее всего, в его душе боролись несколько противоположных теорий и устремлений: он не пытался полностью опровергать одно, чтобы принять сторону второго. Трагедия его дум составляло основную проблему общественной мысли своего времени, так что Герцен не был одинок в своих рассуждениях. Только следующие поколения смогут объективно оценить вклад первых демократов в развитие социальных идей в русской философии. Одно можно сказать определенно: они пытались понять свой народ, проникнуть во внутреннюю сущность его раздумий и предвидеть его будущее. Но в своих теоретических исследованиях и размышлениях, они предвидели те практические ошибки, с которыми встретятся эти следующие за ними поколения россиян. Так что ошибся Владимир Ильич, они не были столь уж далеки от своего народа.

Литература:

1. Ленин В.И. Сочинения. –Л.: Партиздат. 1935. Т. 18. –494 с.
2. Галактионов А.А., Никандров П.Ф. История русской философии (Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова. Философский ф-т). –М.: Соцэжгиз, 1961. –459 с.
3. Герцен А.И. Избранные философские произведения. –М.: ОГИЗ, гос. изд-во полит. лит., 1948. Т. II. –369 с.
4. Зеньковский В.В. История русской философии. –Л.: МП «Эго», 1991. Т. 1. Ч. 2. –280 с.
5. Булгаков С.Н. Душевная драма Герцена //От марксизма к идеализму. Сб. ст. (1896-1903). –СПб: Тов-во «Общественная польза», 1903. –С. 161-194.

УДК 101.9

В.П. Старостин

Был ли А.И. Герцен так далек от народа?

Хрестоматийный образ русского писателя, мыслителя, общественного деятеля, предшественника российской социал-демократии Александра Ивановича Герцена в советское время был жестко очерчен рамками оценки В.И. Ленина о том, что декабристы разбудили его, а он развернул революционную агитацию. Вместе с тем, несмотря на высокую оценку марксиста и основателя советского государства, в тот период мало печатали, стараясь не касаться вопросов о внутреннем мире самого Герцена, его духовном кризисе, связанном с тем, что он рано понял неоправданность революционного насилия. Он считал невозможным прибегнуть к революции без понимания перспектив дальнейшего социального развития и без преобразования народного массового сознания. Автор в данной статье оспаривает ценность этих мыслей Герцена. И безусловность слов Н.А. Бердяева, который считал Герцена как высочайшего авторитета в истории русской философии, если и не самого глубокого, то самого блестящего из людей первой половины XIX века.

Ключевые слова: А.И. Герцен, В.И. Ленин, русская философия XIX века, русская социал-демократия.